

Три памятных полета

Удивительных эпизодов, сопровождавших в жизни нас, Кукрыниксов, не счесть. Чего только не было! Но почему-то особо запечателелись эти три. Может, потому что все было в небе...

Мертвая петля Молодчего

В начале войны с гитлеровской Германией один из наших летчиков Александр Молодчий совершил подвиг — прорвавшись, первый сбросил бомбы на Берлин. За это ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы предложили написать с него портрет. Летчик согласился.

И вот, отложив на время перо сатириков, взялись мы за кисти портретистов. Побывали на аэродроме. А Молодчий приехал к нам в мастерскую. Написали его портрет в боевой форме на фоне аэродрома с самолетом-бомбардировщиком. Работали с интересом, и, когда портрет уже был завершен и одобрен самим Молодчиком, он вдруг предложил покатать на тачках на своей боевой машине. Мы, конечно, сразу же согласились.

И вот сидим в двухмоторной стальной птице, готовой к полету. Молодчик бесконтактно:

— Удобно ли вам?

— Да! Очень...

— Пристегните пальчики ремни! — ульбнулся, просит летчик.

Загудели моторы, и самолет, промчавшись по взлетной дюроке, поднялся в небо. В окнах — удивляющаяся земля. Летчик забыточно взглянул на нас, но, увидев улыбающиеся лица, успокоился. Но вот мы чувствуем, как нас прижимает к сиденьям.

В окна видим землю под нами начиняет извиваться. Секунды, и мы не видим ее, через мгновение она вновь возникает над нами...

— Вместо неба? Чудеса!.. Еще секунды, и наш самолет летит по-прежнему над ней. Вперед

— небо.

Как мы потом поняли, наш самолет прошел известный воздушный трюк — мертвую петлю, и художники с летчиком на какие-то мгновения оказались вверх ногами. Этот сюрприз

устроили для нас Молодчий, видимо, в знак благодарности за его портрет. Мастерски выполненный подарок остался в памяти на всю жизнь.

А спустившись на землю, наш герой, подойдя к нам, виновато сказал:

— Простите, не выдержал... Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно! — ответили мы хором.

Иначе думало начальство — А Молодчий получил от своего начальства выговор.

Невозмутимый Никита Сергеевич

Союз художников команда-рит нас в освобожденный город Киев на встречу с художниками Украины и просит передать альбомы по искусству Хрущеву Н.С.

Прилетев в Киев и встретившись с художниками, мы пошли к Никите Сергеевичу. Познакомились. Передали альбомы. Он неожиданно спрашивал:

— А вы не бывали во Львове?

— Нет.

— Хотите завтра полететь туда со мной?

О чём разговор? Утром мы уже на аэродроме, и нас проводят в самолет Хрущева. Устроились, заметили, как Никита Сергеевич, по-домашнему сняв пиджак и ботинки, лег на раскладушку и стал, надев очки, читать «Сводки ТАСС».

Летим уже около часа. Нас сопровождают пять истребителей — охрана. Вдруг наш самолет начинает неожиданно снижаться и летит узом бреющим полетом, едва не задевая верхушки деревьев. А наша охрана по-прежнему высока.

К нам подходит помощник Хрущева и объясняет, что мы пролетаем « опасную зону», где засели вооруженные банды, а наш бреющий полет не дает возможности открыть по самолету

Линия жизни

Полет третий. Ноябрь. 1945-го. Застрял суд в городе Нюрнберг — над немецким фашизмом.

Редакция «Правды» командует туда нас троих и писателя Всеволода Вишневского — специальными корреспондентами.

Самолет более двадцати человек. Это известные писатели, журналисты, фото- и кинокорреспонденты, художники.

Я сижу рядом с художником Борисом Ефимовым, от газеты «Известия». Мои друзья — М.Куприянов и П.Крылов влезли.

Загудели моторы, самолет двинулся. В этот момент из дверей аэропорта выбегает невысокий человек, весь обшарпанный фотоаппаратом. Побегает к самолету, стучит по обшивке, потом отходит и, ульбаясь, грохнет нам кулаком.

— Так это же фотограф! — говорит кто-то.

Летчики заперлись, непуская Леонова. Мои друзья — М.Куприянов и П.Крылов, волнившись, ищут на полке этикетки. Кирсанов выходит из туалета, вынимает то и дело из кармана что-то серебрянное. Я спрашиваю:

— Семен, что это?

— Подковки! — как-то торжественно отвечает Кирсанов, показывая мне набойку от каблука.

— Но мы же разобьемся, — говорит кто-то.

Летчики заперлись, непуская Леонова. Мои друзья — М.Куприянов и П.Крылов, волнившись, ищут на полке этикетки. Кирсанов выходит из туалета, вынимает то и дело из кармана что-то серебрянное. Я спрашиваю:

— Семен, что это?

— Подковки! — как-то торжественно отвечает Кирсанов, показывая мне набойку от каблука.

— Да не это — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.

— Да не эту — левую! — трещит кто-то.

— Ах, вы хотите посмотреть мою «линию жизни»? — И шутуя добавляю: — По ней я давно должен был умереть!..

— Да и не для этого... — ссыдаясь на Леонова, тихо говорит Леонов.

Потом он просит руку Ефимова:

— Нашел на чём смеяться!

— Буркнул Леонов и, вдруг повернувшись ко мне, просит: «Руку!» Я даю.